

Подковырин Юрий Владимирович

ПОНЯТИЕ "ИНКАРНАЦИИ" В ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА И ФЕНОМЕН СМЫСЛА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье с помощью понятия "инкарнации" (воплощения) выявляются специфические черты смысла литературного художественного произведения. С позиций литературной герменевтики анализируются философские работы Г. Марселя и М. Бахтина, в которых понятие "инкарнации" переносится из богословия в контекст нравственной философии и эстетики словесного творчества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/6/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 137-142. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 801.733

Филологические науки

В статье с помощью понятия «инкарнации» (воплощения) выявляются специфические черты смысла литературного художественного произведения. С позиций литературной герменевтики анализируются философские работы Г. Марселя и М. Бахтина, в которых понятие «инкарнации» переносится из богословия в контекст нравственной философии и эстетики словесного творчества.

Ключевые слова и фразы: инкарнация; смысл; «конкретная философия»; литературное произведение; архитектурная форма; герменевтика; завершённость; целостность; инкарнация смысла.

Юрий Владимирович Подковырин, к. филол. н.

Кафедра теории литературы и зарубежных литератур

Кемеровский государственный университет

mail1981@list.ru

ПОНЯТИЕ «ИНКАРНАЦИИ» В ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА И ФЕНОМЕН СМЫСЛА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ©

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (тема: «Интертекстуальность текстов различных функциональных стилей в сравнительно-переводческом аспекте»; Соглашение № 14.В37.21.0094).

Цель данной статьи – выявить ряд особенностей *смысла литературного художественного произведения* через соотнесение его с явлением *инкарнации*, описанном, в частности, в философских работах французского философа Г. Марселя (Marcel) и в ранних текстах М. Бахтина по этике и эстетике словесного творчества.

Обращение к проблеме художественного смысла обусловлено в первую очередь *периферийностью* данной проблематики для современного литературоведения, отмечаемой, в частности, в работах Л. Ю. Фуксона [8; 9]. Одной из причин оттеснения проблемы смысла произведения на периферию литературоведческой науки становится, по мнению учёного, «взаимная чуждость теоретического литературоведения, с одной стороны, и древней герменевтической традиции – с другой» [7, с. 3]. Нам также представляется справедливым следующее замечание комментаторов III тома «Собрания сочинений» М. Бахтина, касающееся причин маргинализации проблемы смысла в современных гуманитарных исследованиях: «Если на Западе в результате “сосюрской революции” историко-герменевтическая традиция была оттеснена на периферию <...> то в СССР указанная традиция была почти прервана» [3, с. 850]. Таким образом, в науке о литературе сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, *практическая* деятельность литературоведов постоянно так или иначе связана с *прояснением смысла* как произведений в целом, так и их фрагментов; с другой стороны, теоретическое осмысление *самого феномена художественного смысла* остаётся на достаточно низком уровне. На частичное исправление данной ситуации и направлены усилия автора данной статьи.

Как известно, понятие «инкарнация» имеет богословское происхождение и буквально переводится как «воплощение» (о богословском значении термина «воплощение» (лат. *incarnatio*) см.: [4]). В XX веке данное понятие расширяет границы своего бытования и переносится также в сферу философии. Мы остановимся на двух, на наш взгляд, наиболее философски продуктивных и актуальных для литературной герменевтики вариантах осмысления данного понятия (и феномена), представленных в текстах Габриэля Марселя и Михаила Бахтина. Сразу необходимо подчеркнуть, что Бахтин и Марсель разрабатывают свои концепции «воплощения» совершенно независимо друг от друга. Вместе с тем сходство их теорий отнюдь не случайно, а обусловлено общей философской ситуацией первой половины XX века, которую Э. Гуссерль в докладе 1935 г. прямо обозначил как «кризис европейского человечества», спровоцированный господством позитивизма в мышлении [5].

Концепция «воплощения» (*l'incarnation*) Г. Марселя представлена в рамках его антипозитивистского проекта «конкретной философии». В чём же суть этого проекта? И какая роль в нём отводится понятию-метафоре «инкарнации»?

Главный объект атаки Г. Марселя в его книге «Опыт конкретной философии» – «безличностное мышление» [6, с. 7]. Философ утверждает: «обезличенное мышление не позволяет выйти в то пространство, которое достойно называться метафизическим, и даже помыслить его» [Там же, с. 4]. «Конкретная философия» [Там же, с. 10], согласно Марселю, противостоит такому обезличенному мышлению. Философ указывает на то, что существуют сферы *опыта*, недоступные *верификации* и *систематизации*. Например, «любовь и обожание» [Там же, с. 5]. Безличное (абстрактное) мышление, на котором выстраиваются здания «конкретных наук» [Там же, с. 3] уходит от «конкретных основ» [Там же, с. 6] (*в первом случае конкретика – фактичность; во втором – переживание бытия – Ю. П.*) живого человеческого опыта. Но только этот

«скромный и непосредственный опыт» [Там же], на взгляд французского мыслителя, делает постижимой, к примеру, религиозную реальность.

Основной для Г. Марселя вопрос касается *отправной точки* философствования. Этой точкой является, по Марселю, «мой опыт именно как мой» [Там же, с. 11]. Это некая «интимная структура опыта» [Там же], не поддающаяся систематизации (в духе «послекантовской философии») [Там же].

Этим наиболее глубинным пластом опыта, которого посредством философского «бурения» [Там же, с. 12] достигает французский мыслитель, является опыт *тела*. Разумеется, тело здесь нельзя «принимать чисто физически» [Там же, с. 14]. Очевидно, что размышления Марселя о теле выходят за пределы биологии и физиологии. Именно «**воплощённое бытие**» [Там же, с. 9, 16] является, по Марселю, первоначальным удостоверением человеческого существования. Благодаря присутствию «моего» тела «факт существования приобретает... наполненность» [Там же, с. 14]. Формулировка Г. Марселя предельно категорична: «моё тело есть такая точка отсчёта, по отношению к которой полагают себя все формы существования, и именно здесь располагается демаркационная линия, отделяющая существование от несуществования» [Там же]. Всё существующее соотносено, по мысли французского философа, с этой «точкой отсчёта» – «моим органофизическим присутствием» [Там же, с. 15]. Вне этой соотнесённости с телом (всегда *чьим-то!*) существование может мыслиться «только как чистая абстракция» [Там же], а мир вещей в отрыве от «органофизического присутствия» превращается в «иллюзорный спектакль» [Там же, с. 17].

Г. Марсель следующим образом доказывает идею «воплощённого бытия»: «не существует понятного для нас убежища, где я мог бы утвердиться вне моего тела; бесплотность неосуществима, она исключается самой моей структурой» [Там же]. Г. Марсель пересекается с М. Хайдеггером, определяя «воплощённое существо» как «факт *бытия-в-мире* (*курсив Г. Марселя – Ю. П.*)» [Там же, с. 18]. Тело, по Марселю, – достигшая явленности *связь* между «я» и вселенной [Там же]. Однако особенно важно, что французский мыслитель настаивает на замене термина «связь» терминами «**причастность или участие**» [Там же]. Очевидно, что участие для философа – это не отношение по линии «субъект – объект»: «экзистенция... это причастность в той мере, в какой её нельзя объективировать» [Там же, с. 20]. Именно телом своим мы первично причастны к бытию (в том числе – бытию с другими) как «некой жизненной целостности» [Там же, с. 24]. Настаивая на *причастности* как характере отношений «воплощённого бытия» с миром, Г. Марсель корреспондирует (неосознанно) с М. Бахтиным, разрабатывающим примерно в то же время концепцию «участного мышления» (наиболее подробно – во фрагменте «К философии поступка»; см. об этом понятие в Комментариях к данной бахтинской работе в 1-м томе Собрания сочинений М. Бахтина [1, с. 447-448]). Действительно, между телом, понятым как объект, и миром – как совокупностью объектов в естественнонаучном кругозоре, возможна только *связь*. Тело же, понятое, по Марселю, онтологически, как залог *бытия*, делает возможным нашу *причастность* «событию бытия» (термин М. Бахтина; Г. Марсель употребляет, в частности, понятие «жизненной целостности»), в конечном итоге – жизни «вселенной». Абстрактное же мышление не организует такой причастности.

Как видим, Г. Марсель не связывает в своих работах явление инкарнации со *смыслом* – жизненным либо художественным. Однако он подробно описывает воплощённый характер присутствия в мире *самого субъекта осмысления* – мыслящего (поступающего, оценивающего) человека. Идеи Марселя, по нашему мнению, могут быть продуктивно развиты как в эстетическом, так и в герменевтическом направлениях. В частности, идея «причастности или участия» как первичной формы связи человека с бытием очень точно определяет характер отношения читателя (вообще реципиента) к художественному произведению. Если эстетическая реальность представляет собой не совокупность абстрактных идей, а именно бытие, то очевидно, что мы изначально не познаём её, а ей – этой реальности – причастны. Более точное определение характера этой причастности дано, как мы покажем далее, М. Бахтиным, которого, в отличие от Г. Марселя, непосредственно интересует различие и взаимодействие художественного и жизненного миров.

Понятие инкарнации (воплощения) в работах М. Бахтина, в отличие от сочинений Г. Марселя, не становится предметом специальной философской рефлексии, не выносится в заглавия работ (ср., к примеру, название 1-й части книги «Опыт конкретной философии»: «Воплощённое бытие как центральная точка отсчёта метафизической рефлексии» [6, с. 9-30]). При этом данное понятие, как и понятие смысла, является одним из важнейших в ранних философских текстах М. Бахтина, а именно во фрагменте нравственной философии («К философии поступка» [1, с. 7-68]), в работе об авторе и герое («Автор и герой в эстетической деятельности» [Там же, с. 69-263]) и в статье «К вопросам методологии эстетики словесного творчества» [Там же, с. 265-325].

Понятие «смысл» (а также близкие понятия – «смысловой», «содержательно-смысловой») в работах М. Бахтина 20-х гг. употребляется в **трёх** основных значениях: 1) *теоретический смысл*, то есть смысл как содержание теории; 2) *жизненно-этический смысл*, являющийся предметом и целью жизненного поступка; 3) *эстетический смысл* как предмет «участного понимания». Все три отмеченных вида смысла, так или иначе соотносятся в работах М. М. Бахтина с понятием *инкарнации*.

Во-первых, смысл для М. М. Бахтина – это **содержание теории** («смысловое содержание мысли» [Там же, с. 33]). Таков, по М. М. Бахтину, характер представленности смысла в теоретическом мире. Теоретический смысл не соотносён с какой-либо *конкретной позицией* человека (я-персоны) в событии бытия, он безучастен к человеческой *единственности* и потому ценностно «индифферентен» [Там же, с. 13]. Одна из ключевых идей М. М. Бахтина: противопоставление эстетического (и этического также) и теоретического

взглядов на мир, «архитектоники» и «мысли». Мысли присуща «энергия внепространственно-вневременной бесконечности» [Там же, с. 70]. Именно поэтому она не может лечь в основу архитектоники как нравственного события, так и эстетического бытия. Внепространственность и вневременность «мысли» обусловлены тем, что познание (в смысле научного познания) возможно только при «вынесении за скобки» познающего как конкретной личности. По словам М. М. Бахтина: «Теоретический мир получен в принципиальном отвлечении от факта моего единственного бытия и нравственного смысла этого факта» [Там же, с. 13]. То есть смысл как предмет отвлечённого от конкретного места человека в бытии теоретического мышления фактически оказывается *вне гуманитарного горизонта*. Это не только *бесплотный* (вне пространства и времени) и не соотносённый с каким-либо *местом* в бытии смысл; это, так сказать, - *нечеловекоразмерный* смысл. Именно такой вид смысла М. М. Бахтин определяет как **«неинкарнированный»**, являющийся лишь «пустой возможностью» [Там же, с. 41]. Именно с этим видом смысла имеют дело все позитивистски ориентированные направления философии XIX – начала XX в., им присущ «роковой теоретизм» [Там же, с. 28] – стремление выдать мир как предмет теоретического познания за весь мир в целом [Там же, с. 12].

Однако М. Бахтин настаивает на *вторичности* теоретического мира, который является лишь *моментом* единого мира познания и поступка. Чтобы приобщиться к действительному *событию бытия*, искусственно «измысленный» субъект познания (теоретический субъект) должен **«воплощаться»** [Там же, с. 11] в *действительном мыслящем человеке*. Здесь мысли М. Бахтина явно перекликаются с идеями Г. Марселя о теле как «точке отсчёта», с которой соотносится всё существующее, «демаркационной линии» между существованием и несуществованием. Однако, в отличие от «конкретной философии» Г. Марселя, в нравственной философии и эстетике М. М. Бахтина воплощению мыслящего субъекта соответствует и *воплощение самой мысли (смысла)*. Приобщение мысли «единому и единственному бытию-событию» [Там же, с. 35] – это и есть её (мысли) *инкарнация*. При этом, наоборот, утрата человеком *участного* отношения к миру, отвлечение от своего единственного места в нём понимается как *раз-воплощение* [Там же, с. 44]. *Инкарнация* (воплощение) смысла осуществляется в акте **«участного мышления»** [Там же, с. 12]. То есть человек-персона («я») *участвует* в событии бытия, *актуализируя* его *потенциальный* смысл через *поступок*. Таким образом, смысл из абстрактного содержания теории становится **предметом и целью (телосом)** всякого поступка, всякой познавательной и эстетической деятельности, становится уже не отвлечённой «истиной», а жизненной «правдой» [Там же, с. 45-46].

Теперь подробнее рассмотрим концептуальную метафору *инкарнации*, используемую М. М. Бахтиным для характеристики способа бытия нравственного смысла и самого субъекта познания и поступка. Прежде всего, сам М. М. Бахтин указывает на *невозможность* какого бы то ни было *физиологического или психологического* истолкования воплощённости (инкарнации) субъекта нравственности: «есть нравственный субъект с определённой структурой (конечно, не психологической или физической)» [Там же, с. 10]). Подобное толкование было бы следствием ошибки, порождённой «роковым теоретизмом» современной философии, когда «психологическая транскрипция» [Там же, с. 15] бытия выдаётся за бытие вообще. Рассуждения о воплощённом (инкарнированном) характере субъекта и смысла познания и поступка представлены в контексте бахтинской *онтологии* и соотносятся с такими понятиями, как *бытие* и *событие бытия*.

Мы уже указывали на богословское происхождение понятия инкарнации. Однако возникает вопрос, почему М. М. Бахтин, не ограничиваясь более нейтральным словом «воплощение», использует и латинизированный вариант «инкарнация» с уже явно богословским оттенком? В богословии термин «воплощение (инкарнация)» указывает на человеческую природу Христа, на восприятие им *человеческого* образа. Следовательно, *инкарнация* Христа – это одновременно и его *вочеловечение*. Думается, именно этот момент обуславливает использование М. М. Бахтиным данного богословского термина. Первоочередная задача русского философа – указание на сугубо *гуманитарную* точку отсчёта, исток всех возможных видов деятельности субъекта. По мнению М. М. Бахтина, в философских системах XIX–XX вв. эта точка отсчёта упускается, заменяется искусственной, за пределами миру познания и поступка позицией «гносеологического субъекта». То есть теряется *гуманитарный фундамент* философствования. Это и есть тот самый «роковой теоретизм» современной философии, на который указывает М. М. Бахтин. Для того чтобы пробиться к действительности мира, философу, как и Богу, необходимо спуститься на «грешную землю», причаститься человеческой, единственной и незаместимой точке зрения: «даже Богу надо было воплотиться, чтобы миловать, страдать и прощать, как бы сойти с отвлечённой точки зрения справедливости» [Там же, с. 198]. Таким образом, вместе с *очеловечиванием* мыслящего очеловечивается, вводится в гуманитарный горизонт и сам предмет мышления и поступка (вернее, мышления *как* поступка) – *смысл*.

Однако в термине «инкарнация», помимо указания на *вочеловечение* субъекта познания и поступка и самого предмета (цели) поступка — смысла, прежде всего, акцентируется *телесность* смысла поступка и поступающего. Мы уже говорили о том, что сама логика мысли М. М. Бахтина, как она явлена во фрагменте нравственной философии и в работе об авторе и герое, исключает возможность каких-либо *физиологических или психологических* толкований данной концептуальной метафоры. Очевидно, что для М. М. Бахтина такая, онтологически понятая, «телесность» является необходимым качеством *бытия* человека и смысла в жизненном мире. Именно *бесплотность* мысли и мыслящего в «вечном мире» теорий обнаруживает их потенциальный, возможный, а не действительный, характер. Надо полагать, что для русского мыслителя телесность — это, во-первых, синоним *действительности*, реальности, так сказать, живости чего бы то ни было.

Во-вторых, через концептуальные метафоры «тела», «плоти», «инкарнации», «воплощения» передаются *конкретность* и *единственность* как необходимые качества присутствия человека в мире «познания и поступка». В богословии инкарнация Христа – это не просто принятие им *абстрактной* человеческой природы, но воплощение в образе *конкретного* человека с индивидуальной судьбой. За абстрактным философским понятием «личности» М. М. Бахтин разглядывает корень – «лик». *Личность* – понятие теоретического мира, в жизненном же мире всякая единственность представлена через свой *лик*, вряд ли можно вообще вообразить что-либо единственное и конкретное *вне* телесного, «детерминированного» образа. Единственность субъекта познания и поступка, обозначаемая его телесностью, т.е. наличием зримых границ («терминов») и места в мире, как уже было сказано, предполагает единственность и конкретность смыслового горизонта. Никакой «смысл вообще», для которого «признано несущественным моё единственное место в бытии» [1, с. 19], по мнению М. М. Бахтина, не может стать смыслом индивидуального «бытия-события» [Там же]. Таким образом, сам предмет познания и поступка – смысл, – увиденный из единственно возможной и незаместимой для данного субъекта точки в бытии, как бы приобретает границы и облик, т.е. *конкретность*. Предмет обретает свой *лик* [Там же, с. 89, 90, 163, 235] «лишь в нашем отношении к нему» [Там же, с. 89], как познавательно-этическим, так и эстетическим (в последнем случае это *лик героя* – [Там же, с. 90, 163], «внутренний лик» *души* – [Там же, с. 186]). «Гносеологическому» же кругозору предметы не открывают своего *лика*, могут быть лишь *познаны*, но не *узнаны*, так как в мире теоретическом единственность и конкретность присутствия не имеют значения.

В-третьих, понятия-метафоры тела, плоти, лика и подобные им в текстах М. М. Бахтина 20-х гг. способствуют раскрытию способа отношения человека к смыслу – это, по М. М. Бахтину, *участие*, *причастность*, «участное мышление». «Вечные истины» теоретического мира сами по себе безразличны к бытию человека, «содержательный смысл» этих истин – их истинность (или ошибочность) не зависит от позиции конкретного человека в событии бытия. Теоретический субъект, оперирующий такого рода смыслами, отвлекается от действительной жизни в её нужде, заботе. Однако отвлечённый теоретический смысл *нуждается* в воплощении: «Ведь если бы эта в себе вечность смысла была действительно ценностно значима, был бы излишен и не нужен акт её воплощения» [Там же, с. 54]. Эта ценностная значимость (соотнесённость со всегда конкретным субъектом оценки) обретается мыслью лишь при условии её *воплощения* в акте участного мышления.

Таким образом, М. Бахтин, в отличие от Г. Марселя, использует концептуальную метафору инкарнации не только для обозначения способа присутствия человека («я») в мире, но также говорит об инкарнации самого предмета (цели) человеческих поступков – *смысла*. Но каким же образом все эти идеи могут быть связаны с *онтологией смысла* литературного художественного произведения?

По нашему мнению, понятие инкарнации (воплощения) наиболее продуктивно именно для выявления специфики *художественного* смысла. Предпосылки для такого утверждения содержатся в бахтинских работах по эстетике словесного творчества, хотя необходимо заметить, что М. Бахтин не использует в своих текстах это понятие для определения *специфики* художественного смысла в сравнении с другими типами смысла.

Жизненно-этический смысл (в терминологии М. Бахтина) всё же в точном значении этого слова не «инкарнирован», в отличие от *смысла художественного*. Попробуем подробно обосновать это утверждение с опорой на положения бахтинской эстетики.

Для Бахтина эстетический взгляд на человека – это взгляд *оцеляющий* («специфически эстетической и является эта реакция на целое человека-героя» [Там же, с. 89]), тогда как жизненный взгляд на человека как раз *исключает целостность* («нас в жизни интересует не целое человека, а лишь отдельные поступки его» [Там же]). Попытаемся рассмотреть данные бахтинские формулировки с герменевтической точки зрения. Жизненный смысл, по М. М. Бахтину, как уже было сказано, имеет характер *цели*, *предмета* всякого поступка. Такая *целенаправленность* и, следовательно, *осмысленность* жизни не зависит от желаний самого поступающего – она неизбежна. Жизненный смысл, таким образом, всегда как бы *сдвинут вперёд*, имеет характер *возможности* (но уже в ином значении, чем непричастный событию жизни теоретический смысл, который, не будучи инкарнированным, так и останется *пустой* возможностью). Жизнь всякого субъекта познания и поступка как *целое* не может стать для данного субъекта («я») смысловым горизонтом потому, что для осмысления целого необходимо было бы занять *внешнюю* по отношению к этому целому позицию, т.е. попросту «выпрыгнуть» из собственной жизни. Человек о *целом* своей жизни не может *судить* – т.е. полагать его (целого жизни) *смысл*. Этот смысл для человека-персоны бахтинской нравственной философии остаётся непостижимым. Для осмысления человеку как субъекту познания и поступка доступна лишь *часть* собственной жизни. Хотя, как об этом не раз говорит М. Бахтин, для человеческого мышления характерно придавать части характер целого, то есть *эстетизировать* собственную жизнь. Однако подобная эстетизация никогда не достигает чистоты подлинно художественного, осуществляемого в искусстве, отношения к бытию и его смыслу. Таким образом, *жизненно-этическому смыслу* присущ характер *частичности*, *незавершённости*: осуществлённым (сбывшимся) для нас может стать лишь смысл каждого отдельного поступка, но не смысл жизни в целом (ср. схожие размышления Л. Ю. Фуксона в начале книги «Чтение» [8, с. 3]).

В словесном же художественном творчестве, как и во всяком другом, имеет место то, что М. М. Бахтин называет «инкарнацией смысла бытию» [1, с. 93] – осуществление, «сбывание» смысла жизни именно как *целого*. На страницах работы об авторе и герое понятие «инкарнации» обозначает уже *эстетическое* явление: указывает не на бытие «я» и телеологизированный смысл этого бытия, а на бытие и смысл бытия «другого». В *нравственном* мире «инкарнация» – это приобщение (причастие) смысла *событию* бытия в его

открытости и принципиальной незавершённости. Смысл в этом случае становится целью всякого поступка, но *весь*, как смысл события жизни *в целом*, сбыться, стать наличным бытием не может, так как, «чтобы жить, надо быть незавершённым, открытым для себя» [Там же, с. 95]. В *эстетическом* же мире произведения «инкарнация» – это причащение смысла бытию в его целостности и завершённости, т.е. инкарнация в *эстетическом* значении понятия – это совпадение смысла с *наличным* бытием, так сказать, «обналичивание» смысла. В последнем случае смысл – это и есть само бытие, «самоосмысленное» и «выразительное» в бахтинском значении этого понятия – «осмысленная материя или материализованный смысл» [2, с. 8-9]. Однако, по М. Бахтину, до конца совпасть со своим смыслом может лишь бытие «другого», но не бытие «я», так как жить – значит, «не совпадать со своею наличностью» [1, с. 95]. Эстетическая «инкарнация смысла бытия» осуществляется уже не героем в акте ответственного поступка, а автором-созерцателем в акте «участного понимания». Именно последнему только и доступна «наличность воплощённого смысла» [Там же, с. 201] – *эстетический* план бытия героя.

Жизненный смысл вообще вряд ли может быть *увиден*, так как, строго говоря, он не является *бытием*. Постоянная изменчивость, «мерцание» смыслового горизонта не позволяют представить жизненный смысл как нечто зримое, обладающее отчётливыми *границами*. Жизненный смысл мы не можем «узреть», т.к. он ещё не есть нечто осуществлённое, наличное – мы осуществляем его в поступке, воплощаем, но этим не достигаем тождества бытия и смысла – смысловой горизонт просто отодвигается вперёд, в область целей и открытых возможностей (ср. во многом схожие размышления на данную тему: [8, с. 3]). Эстетический же смысл мы «прозреваем», так как он, уже всецело осуществлённый, совпадает со своим бытием, он не нуждается в осуществлении, но в *видении и выражении* как «уже содержательно определившийся лик бытия» [1, с. 201]. Именно поэтому понятие *инкарнации*, относящееся в работах М. М. Бахтина и к жизненно-эстетическому, и к эстетическому видам смысла, наиболее точно обозначает специфику последнего.

Теперь рассмотрим подробнее понятия-образы, выстраивающиеся в ранних текстах М. М. Бахтина в образно-понятийный ряд *одежды – тела – плоти* и образующие смысловой контекст понятия *инкарнации*. Данный понятийный комплекс используется философом для характеристики эстетического бытия, которое, как мы это показали, является не чем иным, как сбывшимся, «обналиченным» смыслом.

Понятие *плоти* используется М. М. Бахтиным, как мы уже это показали, и для характеристики бытия мыслящего, и смысла в *жизненном* мире. Однако в «Авторе и герое в эстетической деятельности» М. М. Бахтин использует слово «плоть» и однокоренные с ним слова для обозначения «нового плана бытия» [Там же, с. 97] человека-героя, который для самого героя закрыт и доступен лишь автору-созерцателю. Рождение «нового человека» – героя, – по М. М. Бахтину, – это облечение его в «новую плоть, которая для него самого и не существенна и не существует» [Там же]. Характер эстетического отношения определяется русским философом как «участное понимание» [Там же], предполагающее *познавательную и этическую безучастность* автора-зрителя. Итак, творчество для М. М. Бахтина – это не что иное, как *инкарнация* героя, который, впрочем, *уже воплощён*, телесно, т.е. *реально*, присутствует в *своём – жизненном – мире-событии*. В этом жизненном мире бытие героя *имеет смысл*, на который оно «вперёд» направлено. Однако *причастность* жизни человека и её смыслу не даёт, как настаивает русский мыслитель, эстетического отношения – рождения героя. Для автора-зрителя необходима *эстетическая безучастность*. Предметом *участного понимания* автора-зрителя является не смысл «направленной вперёд жизни» [Там же, с. 96] героя, а уже сбывшийся, ставший бытием, смысл его жизни как «определившегося лика» [Там же, с. 201]. Поскольку эстетический смысл совпадает с бытием, т.е. *воплощается*, то созерцание (отсюда обозначение субъекта творчества как «зрителя») – это одновременно и его понимание. Однако необходимо уточнить, что созерцание в контексте эстетического события предполагает не отвлечение, а вовлечённость – понимание как *причащение* этому бытию-смыслу.

Итак, именно *всецелая осуществлённость, наличность* художественного смысла усматривается в бахтинских «телесных» понятиях-метафорах, относящихся к бытию героя и характеру художественной формы. Именно *одушевлённое тело* («конкретно-воззрительное... целое» [Там же, с. 89]) становится для М. М. Бахтина наиболее подходящим образом бытия художественной реальности, которая есть не что иное, как простирающийся смысл.

Размышления о специфической явленности смысла в художественном «плане бытия» приводят нас к рассмотрению с позиций герменевтики функции художественной формы у М. Бахтина. Эстетическая деятельность автора – «творца формы» – одновременно рассматривается М. М. Бахтиным как *понимание* [Там же, с. 97, 290]. Так, в статье «К вопросам методологии эстетики...» М. М. Бахтин, характеризуя деятельность автора, будет прямо соотносить *оформление, воплощение и понимание*. По определению философа, «форма, обывая содержание извне, овнешняет его, т.е. воплощает» [Там же, с. 290], «содержание дано в художественном объекте сплошь оформленным, сплошь воплощённым» [Там же, с. 291]. Т.е. эстетическую реальность – «своеобразное эстетическое бытие» [Там же, с. 305], состоящее не из зрительных представлений или психических переживаний [Там же, с. 307], – делает «плотью» именно форма, привносимая автором-созерцателем. Здесь ещё более определён, чем в предыдущих работах, М. М. Бахтин указывает на невозможность истолкования инкарнированного эстетического бытия с помощью *психологических или физиологических категорий* (зрительных представлений или психических переживаний).

Вместе с тем эстетическое отношение автора-созерцателя, выражением которого является эстетически значимая форма, – это, как утверждает М. М. Бахтин, одновременно и *понимающее* отношение. Автор-созерцатель

не вмещивается в изображённое в произведении событие как непосредственный его участник, но *понимает* «ценностный смысл совершающегося» [Там же, с. 290]. Очевидно, что этот ценностный смысл недоступен герою как участнику изображённого в произведении жизненного события. Эстетически продуктивное отношение «напряжённой вненаходимости автора» [Там же, с. 96], которое как раз и «рождает» героя в «новом плане бытия <...> облекает в ту новую плоть, которая для него самого и несущественна и не существует» [Там же, с. 97], рассматривается М. М. Бахтиным и как отношение «*участного* (*курсив наш – Ю. П.*) понимания», которое соседствует с познавательной и этической *безучастностью*. Характерно, что в этом месте работы об авторе и герое, как и в ряде других случаев, М. М. Бахтин практически отождествляет позиции творца и реципиента: автор так же понимает своё произведение (оформляя его), как и созерцатель.

Нам представляется, что такие виды деятельности, как понимание и оформление словесного художественного произведения, не просто предполагают друг друга, но являются, как это убедительно показано в ранних работах М. М. Бахтина, различным обозначением одного и того же. *Придание художественной формы – это и есть понимание бытия* («жизненного содержания») *посредством его воплощения и завершения* (наделение границами как целого). То есть жизнь в художественном произведении осмысливает себя в кругозоре другого, воплощаясь, обретая форму («границу, обработанную эстетически»), обнаруживает, *инкарнирует* свой смысл (он – этот смысл – другим не привносится, он другому открывается!), который вне этого акта инкарнации так бы и остался лишь *возможностью*. В акте чтения (вообще художественного созерцания) мы приобщаемся бытию, которое обладает не *возможным*, а *действительным* смыслом. Этот – эстетический – план бытия не только понимается как предмет (к примеру, в акте интерпретации литературоведом), но и сам является воплощённым пониманием. Эстетический план бытия является толкованием (осмыслением) бытия вообще, этим определяется его значимость, вне этой толкующей функции он не более чем «довесок» к жизни. Эта *герменевтическая* функция художественной формы ни в коей мере не должна быть упущена (М. Бахтин указывает на неё, но не разворачивает мысль в данном направлении).

Однако наличность, всецелая явленность художественного смысла не отменяет его *таинственности*, так как акт чтения не есть процесс усвоения уже готового, а придание художественному произведению смысла посредством его (смысла) *прояснения*.

Итак, богословское по происхождению понятие «инкарнации», перенесённое в философский контекст Г. Марселем, а в контекст эстетики – М. Бахтиным, может быть продуктивно использовано для проявления некоторых специфических особенностей смысла художественного литературного произведения. В понятии инкарнации, использованном для раскрытия специфики *художественного* смысла, сохраняются все семантические обертоны, относящиеся к смыслу *жизненно-этическому* (*воплощённость* как *очеловеченность*, *действительность* (а не *эфемерность*), *конкретность*, *причастность* – см. выше). *Специфическими* же для художественного смысла признаками, также определёнными его инкарнированной природой, являются, во-первых, *наличность* – *равенство смысла бытию* (в *противоположность* «*возможностной*», *телеологической* природе смысла как *цели жизненного акта-поступка*) и, во-вторых, *целостность* – *соотнесённость с целым жизни человека-героя, противопоставленная частичности и «набросковому» характеру смысла нравственного бытия-события*.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7-ми т. М.: Русские словари; Языки русской культуры, 2003. Т. 1. 957 с.
2. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7-ми т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. 731 с.
3. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7-ми т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. 880 с.
4. Воплощение // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. IX. С. 326-362.
5. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101-116.
6. Марсель Г. Опыт конкретной философии / пер. с фр. В. П. Большакова и В. П. Визгина. М.: Республика, 2004. 224 с.
7. Подковырин Ю. В., Дрейфельд О. В., Фуксон Л. Ю., Павлов А. М., Лагода М. А. Литературное произведение как герменевтическая проблема: коллективная монография. Кемерово, 2011. 120 с.
8. Фуксон Л. Ю. Проблемы интерпретации и ценностная природа литературного произведения. Кемерово, 1999.
9. Фуксон Л. Ю. Чтение. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 223 с.

NOTION OF “INCARNATION” IN PHILOSOPHY OF THE XXTH CENTURY AND SENSE PHENOMENON OF LITERARY WORK

Yurii Vladimirovich Podkovyirin, Ph. D. in Philology
Department of Literature and Foreign Literatures Theory
Kemerovo State University
mail1981@list.ru

The author reveals the specific features of work of fiction sense by means of the notion “incarnation” (embodiment), and from the perspective of literary hermeneutics analyzes the philosophical works of G. Marcel and M. Bakhtin, in which the notion “incarnation” is carried from theology into the context of moral philosophy and aesthetics of verbal creativity.

Key words and phrases: incarnation; sense; “concrete philosophy”; literary work; architectonic form; hermeneutics; completeness; integrity; incarnation of sense.